

Отзыв
официального оппонента на диссертацию
Бондаренко Елены Дмитриевны
«Наивная лингвистика диалектоносителей:
этносоциолингвистический аспект»,
представленной на соискание научной степени
кандидата филологических наук
(специальность 10.02.19 – теория языка)

Диссертация Е.Д. Бондаренко посвящена «наивной лингвистике» – особой области обыденного знания, являющей собой систему представлений непрофессиональных носителей языка (в том числе диалектоносителей) о языке, которую можно воссоздать, в частности, на основании анализа метаязыковой лексики и текстов; в работе осуществляется комплексное этносоциолингвистическое исследование феномена «наивной лингвистики» (вербализованных проявлений метаязыковой рефлексии) носителей диалекта. Исследование выполнено в рамках антропоцентрической парадигмы лингвистики – на стыке этно- и социолингвистики, а также лингвистической прагматики.

Цель данной работы – выявить специфику вербализованных проявлений метаязыкового сознания диалектоносителей, отражающегося в текстах, а также в лексической системе языка.

Актуальность исследования определяется тем, что обращение лингвистов к изучению наивного метаязыкового сознания показательно для современного состояния гуманитарных наук: смежными с лингвистикой «наивными» дисциплинами, ставшими предметом интереса исследователей, являются «наивная фольклористика», «наивное краеведение», «народная герменевтика», «наивное литературоведение» (и, добавим, «наивная литература» – проза и поэзия, документалистика), «наивная семиотика» (с. 30). К этой же области относится и «наивная историография», которая все больше интересует фольклористов, специалистов по «устной истории», социологов. Сколь бы хорошо ни понимал свой предмет исследователь народных традиций (этнограф, фольклорист, диалектолог), он практически всегда является посторонним по отношению к изучаемой культуре, т.к. различные приемы «погружения» и методы «включенного наблюдения» имеют свои пределы, а субъект наблюдения не может полностью отождествиться с объектом. Но существуют исключения – знатоки народной традиции, которые родились в ней, продолжают ощущать народную культуру как свою и в то же время владеют языком образованного сословия и способны к метаязыковой рефлексии; для них характерна неразрывная связь с языком и культурой родных мест, способность рассказать о самоощущениях носителя традиции. Именно такому опыту самоописания народной культуры (ее языка) посвящена работа Е.Д. Бондаренко, **предметом** которой являются особенности метаязыковой рефлексии диалектоносителей относительно различных функциональных сторон речевой деятельности (коммуникативной, когнитивной, поэтической). В центре данного исследования находится социолингвистическая и этнокультурная проблематика, связанная с осмыслением языка диалектоносителями.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые осуществлен комплексный анализ вербализованных проявлений обыденного метаязыкового сознания в диалектной лексической системе, устных текстах, созданных диалектоносителями, а также произведениях различных жанров фольклора; разработана методика анализа языкового самосознания жителей контактных диалектных зон (этнокультурного пограничья); дана лингвопрагматическая характеристика феномена наивной диалектной лексикографии.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что результаты исследования способствуют дальнейшему развитию теории языковой личности, когнитивной лингвистики, диалектологии. Выявленные в диссертации особенности метаязыковой рефлексии жителей контактных территорий будут полезны для социолингвистических исследований, а изучение народных метаязыковых воззрений вносит вклад в реконструкцию традиционной картины мира.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в вузовских курсах по общему языкознанию, социолингвистике, этнолингвистике, лингвистической прагматике, диалектологии, а также в практике диалектной лексикографии.

Особо следует сказать о **материале**, на котором построено исследование. Впечатляет объем проанализированного текстового и лексического материала (общий объем его составляет более 1 500 единиц). Значительная часть материала, представленного в работе, содержится в неопубликованных источниках и впервые вводится в научный оборот. Чрезвычайно интересны для специалистов полевые материалы Топонимической экспедиции Уральского университета, в работе которой в 2006–2013 гг. принимал участие автор диссертации. В 2008–2015 гг. экспедиция проводила направленный сбор материала по теме «наивная лингвистика», был разработан специальный алгоритм опроса (с. 17). Кажется, это первый масштабный опыт такого рода, и потому интересно было бы больше узнать о методике опроса (был ли создан специальный вопросник или информация черпалась из контекста беседы с информантом?) В настоящий момент нам известен лишь единичный опыт использования в полевых условиях вопросника, отчасти затрагивающего тему «наивной лингвистики»: с 2011 г. в комплексных экспедициях по изучению наследия евреев Восточной Европы (на территории Украины и Молдавии) мы работали по вопроснику, составленному А.Л. Полян и посвященному бытованию и восприятию еврейских языков в еврейской среде. Если работа в Топонимической экспедиции УрФУ велась по вопроснику, было бы целесообразно включить его в приложение к диссертации.

Работа состоит из введения, шести глав, заключения и приложений.

Первая глава – **«Общие вопросы изучения наивной метаязыковой рефлексии»** – посвящена различным подходам к изучению метаязыкового сознания; автор определяет место наивного метаязыкового компонента в общей структуре языкового сознания, излагает историю изучения вопроса; анализируются также специфика и аспекты изучения метаязыкового сознания носителей диалекта. Наиболее значимыми разделами этой главы можно признать разделы об индивидуальной и коллективной языковой личности. Как отмечает автор, метаязыковая картина коллективной языковой личности, в сущности, воссоздается из фрагментов – метаязыковых компонентов речи (лексем, фразеологизмов, высказываний, текстов) различных представителей данной общности (с. 26). Но при этом очевидно, что не всякий диалектоноситель является «наивным лингвистом» – каковы же параметры «наивно-лингвистической» личности и чем обусловлено ее формирование? В пятой главе этот вопрос рассматривается в связи с практикой составления диалектных словарей, но представляется, что эти характеристики в самом общем виде должны быть обозначены в начале работы.

Во второй главе – **«Язык в зеркале наивной лингвистики: функциональный аспект»** – анализируются особенности метаязыковой рефлексии диалектоносителей, касающейся функционального распределения языковых единиц в речи. Важным представляется заключение диссертанта о том, что «эталон» осмысления языка становится для диалектоносителей свой говор (при том, что он может восприниматься и как аномалия, антинорма), и он же является основным объектом рефлексии наивных

лингвистов (с. 52, 57). «Мерилом правильности» в оценке двух говоров становится литературный язык: лучшим оказывается тот говор, который, по мнению диалектоносителей, «ближе» к литературному языку. Помимо ориентации на «эталон» (будь то собственный говор или литературный язык), значимой чертой мировосприятия диалектоносителей является его аксиологичность. Говоря о проблеме дифференциации языков (раздел II.4), Е.Д. Бондаренко отмечает, чужому языку обычно противопоставляется свой говор (а не свой язык в целом); здесь также играет большую роль понятие «эталон»: «эталон» чужой (а потому невнятной) речи для носителей определенного говора становится контактный язык: любая иностранная речь представляется речью на этом языке (с. 84); в контексте исследований лингвокультурного пограничья важным наблюдением является не только то, что диалектоносители, живущие на пограничье, «отслеживают» явления смешения языков, но и тот факт, что в пограничных говорах для обозначения такого рода явлений существует специальная лексика (с. 84–85); ситуация пограничья, вероятно, требует более детальной градации при противопоставлении «своего» и «чужого» (ср. с. 89).

Глава третья – **«Локально-территориальный “срез” проблематики наивной лингвистики: язык вятчан извне и изнутри»** – рассматривает язык как маркер территориальных границ. На примере говоров Вятско-Костромского пограничья автор исследует специфику языкового сознания диалектоносителей, представителей одного территориального языкового идиома – так называемых вятчан. Анализируются две модели: восприятие «извне» (вятчане глазами костромичей, жителей Октябрьского, Вохомского и Павинского р-нов Костромской обл.) и «изнутри» (внутрирегиональное разделение вятских говоров). При этом очевидно, что процессы именования соседей имеют свою направленность, в связи с чем хотелось бы задать вопрос диссертанту: являются ли эти векторы равновеликими (т.е. традиции зеркально отражают друг друга) или же в ситуации внутрирегионального уровня, когда противопоставляются центр и периферия (см. с. 103–104), какая-либо из сторон проявляет большую активность (к примеру, больше прозвищ адресовано жителям центра от их окраинных соседей или наоборот)? Вообще же модель взаимодействия лингво-региональных традиций, описанная в Е.Д. Бондаренко в этой главе, может быть сопоставлена с языковой ситуацией на польско-украинско-белорусском пограничье (так называемые Польские Кресы), а методы, применяемые автором для изучения особенностей локально-территориальных диалектных взаимодействий, могут применяться и к анализу внутренних и внешних связей на пограничье восточно- и западнославянских диалектов.

В четвертой главе (**«Особенности наивнолингвистической категоризации языковых явлений: категория имени собственного»**) как объект метаязыковой рефлексии рассмотрено имя собственное и изучены наивные представления об антропонимах (а также отчасти о зоонимах и топонимах). Как отмечает автор, рассуждения диалектоносителей касаются, в первую очередь, особенностей функционирования и восприятия имен и их вариантов – в частности, важным оказывается параметр официальной закреплённости имени (оппозиция «официальное – неофициальное») (с. 122), когда официальная, «правильная» форма имени противопоставляется форме, реально функционирующей в речи (с. 124). В связи с этим хочется привлечь внимание автора к такому явлению, когда значимым становится и написание имени, в частности при транслитерации «кириллических» имен латиницей – в некоторых ситуациях наши соотечественники, адаптируясь за рубежом, вынуждены по поводу собственного имени уточнять: «Вам как в документах или чтобы нормально читалось?» (например, имя Валентина в написании *Valentina* для польской традиции оказывается «нечитабельным» и потому как бы несуществующим в связи с отсутствием в польском алфавите буквы *v*).

Интересный материал представлен в разделе IV.2.2. «Чужое» имя. Как показывает материал, в разных традициях одно и то же имя может быть атрибутировано разным этносам. Как отмечает автор на с. 126, типичным цыганским антропонимом представляется диалектоносителям имя *Райка*. Отметим, что в других регионах, в частности, в ареале славяно-еврейского соседства (Подолія, Буковина) имя *Райка* трактуется как типично еврейское, при том что для еврейской среды имя Раиса (Рая) является признаком ассимиляции (заменяя традиционные имена Рахиль/Рохля или Рива).

Пятая глава «**Авторские словари как способ организации метаязыковой деятельности диалектоносителей**» посвящен анализу феномена наивной лексикографии – результатам прикладной деятельности наивных лингвистов. В основу положены материалы тщательно проанализированных автором 18 «наивных» словарей, в которых зафиксирован лексический материал архангельских, костромских, челябинских, свердловских говоров, говоров ХМАО, русских говоров Литвы. Справедливо замечание Е.Д. Бондаренко о том, что «наивные» диалектные словари по ряду параметров сопоставимы с такими феноменами народной культуры, как рукописные календари, «народные» сборники фольклорных текстов (паремий, частушек, песен и др.) (с. 163), представляя собой своеобразный тип «списочных» произведений рукописной культуры (с. 164). Определены «целевые группы» – адресаты словарей и предназначение этих текстов: опыт составления словаря для диалектоносителя – это, в первую очередь, личностно-мотивированная попытка вычислить «свой» лексический фонд как отражение своего жизненного опыта и ценностных установок и познакомить с ним потенциальных читателей (с. 186). Специалистам-лингвистам, безусловно, будут интересны принципы классификации диалектной лексики, структура словарей, порядок подачи материала и специфические черты конкретных реализаций данного жанра («словари-списки», «словари-воспоминания», «словари-комментарии» и «словари-энциклопедии») (с. 166 и сл.). Кроме того, автором обозначены общие тенденции, касающиеся авторских установок (характерная для всех словарей «интенция памяти»), принципов формирования словника (отбор лексики в соответствии с выбранной автором словаря оппозицией идиомов: «диалектное – диалектное»; «диалектное – литературное», «старинное – новое» и др.) и принципов подачи слов в словаре. Отметим, что составители словарей иногда стремятся к тому, чтобы их произведения выглядели как «настоящие» книги. В качестве примера можно привести диалектный словарь Поморского края, составленный Викентием Михайловичем Родионовым (1913–1991); источник может быть полезен автору диссертации в дальнейшей работе. Это 12 томов, написанных от руки, это 10 лет авторской работы по следам книги И.С. Меркулова «Живая речь кольских поморов» (1979, 183 с.). В.М. Родионов опечалился малым объемом книги Меркулова; кроме того, он был категорически не согласен с некоторыми значениями, приведенными в словаре. Материал в рукописи Родионова оформлен соответственно: черным – словарная единица, красным – проставлены ударения, синим – написана словарная статья, зеленым – примеры, знаком ромба обозначены устойчивые словосочетания; толкования слов сопровождаются этнографическими справками, философскими рассуждениями и личными воспоминаниями (Народный этнодиалектный словарь / Публикация А.П. Минаевой // Живая старина 2002. № 3. С. 33–34).

Глава шестая – «**Метаязыковая рефлексия как элемент культурного текста: “лексические недоразумения” в сюжетах фольклорных произведений**» – содержит анализ особенностей функционирования метаязыковых высказываний в фольклорных текстах, сюжеты которых включают ситуацию лексических несовпадений участников коммуникации. Основной вывод, к которому приходит автор, заключается в том, что пуантом в текстах подобного рода является интенция испытания (с. 240), поскольку языковое испытание – один из способов социализации нового члена сообщества; намерение испытать собеседника может сопровождаться интенцией обучения языку –

автор диссертации впервые в таком объеме суммировал ситуации и лингвистические проявления данного явления. Добавим, что языковое испытание может расцениваться как дополнительная проверка на причастность к «своему» языковому пространству и как оценка степени «чужести» (что особенно значимо в ситуации лингвокультурного пограничья). Фольклорные тексты, в которых присутствует явление междиалектной синонимии, рассмотрены в контексте ритуализованных практик по определению «своего» и «чужого», своего рода инициации (принятия в иную родственную, социальную группу). Внимание диалектоносителей к этим феноменам во многом определяется «диалектностью» народного восприятия языка, неслучайно в центре внимания носителей говоров оказываются прежде всего междиалектная синонимия и полисемия (с. 242). Живучесть такого явления, как утрирование диалектных особенностей при общении носителей разных диалектов, подтверждается современными полевыми материалами из Лексической картотеки Топонимической экспедиции УрФУ (см. с. 235, анекдот «Шли вохмяки и ветчаненок...»), ср. опубликованные ранее в этнографических источниках аналогичные тексты о «хохле» и «москале», украинце («мужике») и еврее и т.п.

Особого внимания заслуживают **приложения** к основному тексту диссертации. В Приложении 1 представлены метаязыковые тексты, комментируемые в основном корпусе диссертации (русские диалектные, польско-мазовецкие, люблинские, куяво-поморские и др.) – всего 160 примеров.

Приложение 2 «К вопросу о трансформации традиционного сценария имянаречения: “красные крестины”» – прекрасная иллюстрация к разделу IV.5. Имя: ситуация имянаречения – представляет анализ явления новой советской обрядности на примере сценариев имянаречения, создававшихся в 1920-е и 1960-е гг.; в этом явлении отразилась в том числе и «эталонность» мышления диалектоносителей (см. об этом подробнее с. 141 и сл., с. 249) – признак, отмеченный автором диссертации как один из базовых при формировании наивных представлений о языковой норме.

В Приложении 3 «Авторские словари диалектоносителей» представлены несколько образцов «наивной лексикографии»; отметим, что каждый из еще не опубликованных текстов такого рода заслуживает отдельной комментированной публикации, и надеемся, что Е.Д. Бондаренко продолжит работу по введению этих материалов в научный оборот.

Цель, поставленная автором диссертации, несомненно, достигнута – автор детально раскрыл в своем исследовании основные особенности метаязыковых высказываний, относящихся к сфере «наивной лингвистики»; проведена квалифицированная этнолингвистическая интерпретация языковых единиц, высказываний и фольклорных текстов.

Отдавая должное высокому уровню представленного к защите исследования, необходимо сделать несколько частных замечаний.

1. В приложении 1 среди прочих приводятся примеры из Полесской традиции (№ 127, 128, 129), которые, однако остались без географической атрибуции. Работа выполнена на материале русского языка, рассматриваемого на фоне польского; в этом контексте полесский материал может рассматриваться как «представитель» буферной зоны между восточно- и западнославянскими говорами (№ 128 и 129 происходят из Малоритского р-на Брестской обл.; № 127 локализуется в Житковичском р-не Гомельской обл., на гомельско-брестском пограничье); в то же время полесский материал принадлежит украинской, белорусской и отчасти русской традиции (поэтому уточняющая атрибуция здесь необходима).

2. В библиографии под № 329 (с. 279) присутствует позиция: Родионова 1998 – Родионова И. В. Центральная субъектная оппозиция христианства в народной языковой картине мира: опыт верификации (на материале русских народных говоров) // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 148–157. Ссылок на эту работу в тексте мы не обнаружили.

3. Формальное замечание касается терминологической нестыковки в тексте диссертации и автореферата. Структурные составляющие именуются то главами – в тексте диссертации, то разделами – в автореферате.

Автореферат полностью отражает содержание диссертации.

По теме диссертации опубликовано 24 работы, в том числе 5 в изданиях, входящих в перечень ВАК.

Все высказанные замечания носят рекомендательный характер и свидетельствуют о перспективности избранной темы исследования, работу над которой автор, надеюсь, успешно продолжит.

Диссертационная работа «Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение нескольких задач, имеющих значение для развития теории языка, этнолингвистики и социолингвистики, соответствует требованиям п. 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и может быть рекомендована к публикации в форме монографии. Автор работы, Бондаренко Елена Дмитриевна заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Ольга Владиславовна Белова,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник

Отдела этнолингвистики и фольклора
ФГБУН Институт славяноведения РАН

29 марта 2016 г.

Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, 32 А

Институт славяноведения РАН

Тел. +7 495 938 17 80

e-mail: inslav@inslav.ru

3

ВЕРНО:

Заведующая кадрами

Юрченко
"29" марта 2016 г.

Юлия О.В. Беловой удостоверяю